

Кощей Бессмертный — вариант 1

Бывало-живало - в некотором государстве был-жил царь и царица; у них родился сын, Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: "Царь, великий государь! Поди, сам качай своего сына". Царь начал качать: "Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". Царевич уснул и проспал трое суток; пробудился - пуще прежнего расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца: "Царь, великий государь! Поди, качай своего сына". Царь качает, сам приговаривает: "Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: "Поди, великий государь, качай своего сына". Царь качает, сам приговаривает: "Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит: "Давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться". - "Что ты, дитятко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!" - "Дашь благословение - поеду, и не дашь - поеду!" - "Ну, поезжай! Господь с тобой!"

Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отошел немало от дому и встретил старого человека: "Куда, молодец, пошел? Волей аль неволей?" - "Я с тобой и говорить не хочу!" - отвечал царевич, отошел немного и одумался: "Что же я старику ничего не сказал? Стары люди на ум наводят". Тотчас настиг старика: "Постой, дедушка! Про что ты меня спрашивал?" - "Спрашивал: куда идешь, молодец, волей али неволей?" - "Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". - "Хорош молодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти - Ненаглядная Красота далеко живет". - "Сколь далеко?" - "В золотом царстве, по конец свету белого, где солнышко восходит". - "Как же быть-то мне? Нет мне, молодцу, по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелковой недержалой". - "Как нет? У твоего батюшки есть тридцать лошадей - все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить -

на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери!" - "Спасибо на добром слове, дедушка!"

Как старик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: "Иван-царевич! Припади к земле; я тя трижды пихну". Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: "Ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!" Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом - только и видел царь своего сына!

Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор - что город, изба - что терем. Приехал на двор - прямо ко крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. "Ночуй, добрый молодец! - говорит ему старуха. - Куды ты господь понес?" - "Ах ты, старая сука! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, в те' поры и вестей спрашивай". Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вестей выпрашивать. "Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". - "Хорош молодец! Учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может, она знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее". Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал раненько, умылся беленько, вывел коня, оседлал, в стремяно ногу клал - только его и видела бабушка!

Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается: стоит двор - что город, изба - что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: "Фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а ноне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?" - "Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала". Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила, села в головы и спрашивает: "Куды ты бог понес?" - "Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру". - "Хорош молодец! Учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики - зверь лесной, другие ответчики - птица воздушная, третьи ответчики - рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете - все ей

покоряется. Поезжай-ка завтра к ней; а теперь усни; утро вечера мудренее!" Иван-царевич ночь переночевал, встал раненько, умылся беленько, сел на коня - и был таков!

Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор - что город, изба - что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: "Ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостойн, а к золотому коня привязал". - "Хорошо, бабушка, не бранись; коня можно отвязать, за иное кольцо привязать". - "Что, добрый молодец, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?" - "Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, в те' поры вестей поспрошала; видишь - человек с дороги, весь день не ел!" В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей рассказывает: "Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи: где живет Ненаглядная Красота и как до нее дойти?" - "Я и сама, царевич, не ведаю: вот уж девятый десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну да усни с богом; завтра соберу моих ответчиков - может, из них кто знает".

На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: "Рыбы и гад водяной! Идите сюда". Тотчас сине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет - воду укрывает. Спрашивает старуха: "Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?" Отвечают все рыбы и гады в один голос: "Видом не видали, слухом не слыхали!" Крикнула старуха по земле: "Собирайся, зверь лесной!" Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: "Видом не видали, слухом не слыхали!" Крикнула старуха по поднебесью: "Собирайся, птица воздушная!" Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: "Видом не видали, слухом не слыхали!" - "Больше некого спрашивать!" - говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю - в окнах свету не стало. "Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?" - "Ненаглядную Красоту к обедне сряжала". - "Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича". - "Рада бы сослужила, много пропитанья надоть!" - "Сколь много?" - "Три сороковки говядины да чан воды".

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и наклап три сороковки говядины, устави́л те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное железное. Воротился и стал со старухой прощаться. "Прощай, - говорит, - бабушка! Корми моего доброго коня сыто - я тебе за все заплачу". Сел на Моголь-птицу - в ту ж минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье кус говядины. Вот летела-летела немало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: "Эй, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало". - "Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие - нам с тобой по конец века не выбраться". Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит - оборачивается. "Что делать?" - думает царевич, вырезал из своих ног икры и дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идет по' лугу - разминается, на обе ноги прихрамывает. "Что ты, царевич, али хромаешь?" - "Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил". Моголь-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли - и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: "Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу". Лег царевич и тотчас уснул; день, спит, ночь спит... Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки - тем и бьет; нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадая, насил-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел на рундук, глянул на сине море - идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмеяться: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!" Раз говорят и в другой говорят, а в третий сказали - ему обидно стало: рукой махнул - улица, другой махнул - чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. "Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?" - "Видел, по век не забуду". - "Ну ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу". Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала

будить царевича, что ни попадет под руки - тем и бьет его; нет не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула - покраснела. Стоят они рядышком да богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море - плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!" От тех речей ему обидно показалось; махнул рукой - стала улица, махнул другой - чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. "Видел ли Ненаглядную Красоту?" - спрашивает бабушка-задворенка. "Видел, по век не забуду". - "Ну, спи; завтра я тебя опять разбужу". Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его, не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку; а сама стала по левую. Стоят они да богу молятся; на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море - плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмеяться: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Ты не стоишь ее мизинного пальчика!" Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой - улица, махнул другой - гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браные, угощала его, потчевала, своим женихом называла.

Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали, ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ее сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: "Ненаглядная Красота! Похрани моего тела белого, я спать лягу". - "А долго ль спать будешь?" - "Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня - не разбудишь, а

время придет - сам проснусь". - "Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет". - "Скучно не скучно, а делать нечего!" Лег спать и проспал как раз девять суток. В это время приехал Кощей Бессмертный и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Пробудился от сна Иван-царевич, смотрит - нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли - приходит в государство Кощей Бессмертного и просится на постой к одной старухе. "Что, Иван-царевич, печален ходишь?" - "Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем". - "Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кощей не потребить". - "Я хоть посмотрю на мою невесту!" - "Ну ложись - спи до утра; завтра Кощей на войну уедет". Лег Иван-царевич, а сон и на ум нейдет; поутру Кощей со двора, а царевич во двор - стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает ее Иван-царевич: "Спроси у Кощей Бессмертного, где его смерть". - "Хорошо, спрошу". Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор: "А! - говорит. - Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был". - "Что ты, Кощей Бессмертный! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!" Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: "Скажи мне, Кощей Бессмертный: где твоя смерть?" - "На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана".

Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор: "А! - говорит. - Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был". - "Что ты, Кощей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духу нахватался - от тебя русским духом и пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!" Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог - лежит веник позолоченный. "Это что?" - "Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога". - "Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана".

На другой день Кощей уехал, а Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Бессмертный. "А! - говорит. - Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был". - "Что ты, Кощей Бессмертный! Кажется, я тебе не раз говаривала: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали". Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул

посадила. Кощей взглянул в окно - стоит тын позолоченный, словно жар горит! "Это что?" - "Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога!". Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: "Ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре, та кокура в море плавает". Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кощееву.

Иван-царевич пошел ни путем, ни дорогою, пришел к океан-моря широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли - есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: "Ну, ястреб! Я тебя застрелю да сырком съем". - "Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь". Бежит медведь: "Ах, Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем". - "Не ешь, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь". Глядь - на берегу щука трепещется: "А, щука зубастая, попалась! Я тебя сырком съем". - "Не ешь, Иван-царевич! Лучше в море брось: в нужное время я тебе пригожусь". Стоит царевич и думает: когда-то наступит нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдруг сине море всколыхалось, взволновалось, стало берег заливать, Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и влез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокура. Прибежал медведь, поднял кокуру да как хватит оземь - кокура развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся - летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается: "А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть". - "Ты сам у меня ее отнял! - отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: - А это что?" У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел-покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку - Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на' руку перекладывать; перекладывал, перекладывал и смял совсем - тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе с своею невестою к родному батюшке.

Долго ли, коротко ли - приезжает он к той самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидал своего коня. "Слава богу, - говорит, - Воронко жив!" - и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм - хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас снарядил царевич легкого гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: "Батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядной Красотою". Отец получил письмо, прочитал и веры не берет: "Как тому быть!"

Ведь Иван-царевич уехал отсель девятисуточный". Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыке играть. "Батюшка! Благослови жениться". У царей ни пиво варить, ни вино курить - всего много; в тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотою и выставили по всем улицам большие чаны с разными напитками; всякий приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.